

РАЗДЕЛ IV. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 7.011:32.019.51

Артамонова Я.С.¹, Вьялкин С.А.²

¹Московский технический университет связи и информатики

²Вологодский государственный педагогический университет

ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ

Аннотация. В статье рассматриваются феномен политической символики государства и его влияние на политическое пространство, процессы общественной интеграции в стране. Особое внимание уделяется некоторым теоретическим вопросам формирования политических символов, их материального знакового соответствия. Междисциплинарный характер исследования нацелен на рассмотрение самой политологической проблемы и ее лингвокультурного, эпистемологического и эстетического аспектов. Авторы предпринимают попытку установления социальных и коммуникативных процессов, определяющих формирование и функционирование символа в обществе.

Ключевые слова: политический символ, информационная реальность, политическое пространство, контекст, дискурс, именование, поликодовое единство, лингвовизуальный комплекс, эстетическое.

Y. Artamonova¹, S. Vyalkin²

¹Moscow Technical University of Communications and Informatics

²Vologda State Pedagogical University

INFORMATIONAL REALITY AND POLITICAL SYMBOLS

Abstract. The article deals with the phenomenon of state political symbolism and its impact on the political environment and social integrative processes in Russia. Special attention is paid to some theoretical issues of forming some political symbols and their correspondence to material signs. The interdisciplinary nature of the research is meant for studying the political problem itself and its linguistic and cultural, epistemological and aesthetic perspectives. The authors make an attempt to reveal the social and communicative processes that influence the process of forming a symbol and its functioning.

Key words: political symbol, informational reality, political environment, context, discourse, naming, polycode unity, linguistic and visual complex, aesthetic.

Информационная реальность представляет собой не просто сеть социально-политических взаимодействий, а определенную информационную среду, определенный социальный запас знаний и коллективного опыта. Формирование информационного пространства социально-политической реальности происходит с учетом влияния такого феномена, как становление и развитие политической символики страны во всем многообразии коммуникативных средств: вербальных, визуальных, аудиальных, смешанных (сложных) и др.

К настоящему времени сложились различные подходы в понимании символизации. Анализ данного феномена, представленный уже в работах философов Античности, нашел дальнейшее развитие в трудах Г.В. Лейбница, И.Канта, Ч.С. Пирса, М. Хайдеггера, Дж.Г. Мида, П. Сорокина, А.Ф. Лосева, А.П. Люсого, В.В. Бычкова и др.

Рассматривая данный феномен, необходимо также учитывать социально-политический характер происхождения символов, посредством которых происходит выражение определенных общественно-политических отношений. Любой символизм ориентируется на интерпретацию символа социальной средой общества. Логично предположить, что рождение символа определяется историческими и политическими процессами, что предполагает их массовое признание. Так, в методологической концепции К. Маркса символ «может быть только общественным символом; он, в сущности, выражает только некоторые общественные отношения» [6, с. 46]. Представители символического интеракционизма считали, что символ – это

любой знак, вызывающий одинаковую социально-политическую реакцию. В этом смысле символ рассматривается как важное средство социально-политического взаимодействия. Например, Дж.Г. Мид определял символ как «жест или ритуал, используемый для передачи сообщения от одного индивида к другому, когда оно обоими воспринимается одинаково» [8, с. 318]. Представители данного направления подчеркивали, что «функции символа выполняют не только вещи, события, но и вербальные выражения и формы поведения» [8, с. 318].

Одной из наиболее наглядных моделей формирования вербальных символов представляется акт именования художественного произведения. Художник-номинатор воплощает в какой-либо визуальной технике задуманный образ. Образ нарекается вербальным именем в опосредовании эстетическим переживанием автора и социокультурным опытом группы (от самой узкой социальной категории до общества в целом), к которой автор принадлежит, а также в которой рассчитывает быть понятым. Воспринимая художественное произведение, без установленного художником вербального имени, мы сталкиваемся с визуальным знаком, семантически отличным от замысла, реализованного автором. Наряду с этим, актуализируется проблема культурного, языкового, исторического и идеологического контекстов: внеконтекстное рассмотрение сложного знака не позволяет его корректно и единообразно декодировать, – принципиально препятствуя процессу символизации. Наиболее показательны данные процессы в политических системах с максимально

точно оформленным культурно-идеологическим компонентом: например, культурная политика авторитарных, и особенно тоталитарных, режимов. Вместе с тем, не утрачивают они своей актуальности и в демократических режимах, где особую значимость приобретает критерий адресности художественного послания.

Примечательно, что даже индивидуальная мысленная визуализация вербального (текста) читателем характеризуется установлением референций между объектом окружающей действительности, его вербальным и визуальным выражением, а также отношением к нему адресата. Таким образом, от описанного выше содержания процесса символизации отделяет здесь только преодоление индивидуальности ассоциирования в пользу сходного или идентичного коллективного восприятия. По нашему мнению, сходное переживание одного события различными адресатами возможно вследствие одного из трех основных обуславливающих процессов: внешнего толкования, конвенции или диктата.

Попробуем установить развитие сложного лингвизуального знака в символ. Возьмем картину Полтавского боя и образ Петра I в «Полтаве» А.С. Пушкина. Очевидно, что здесь дана не просто внешняя картина боя, а есть еще и внутреннее, национальное и общественно-политическое осмысление всех этих картин, и что картина эта развернута в определенной последовательности, то есть определяется известного рода структурой. Но ведь всякого рода боев и сражений в России, как и в любой другой стране, было достаточно. В чем же специфика этих

картин у Пушкина? Очевидно, историко-национальное значение не имеет ничего общего с внешней картиной боя. Внутренняя сущность Полтавского боя словно привнесена в картину боев извне, и растворить ее в картине всякого боя никак невозможно без потери образов и самого этого боя, и Петра I как символов.

Разобщенность двух внеположных смысловых областей (картины боя и пушкинской интерпретации Полтавского сражения) не может считаться окончательной, поскольку, кроме этого разобщения, здесь обязательно мыслится и культурно-специфичное совпадение, без которого символ тоже не есть символ.

Таким образом, адресная единообразная понятность и убедительность поликодового единства (лингвизуального комплекса) для представителей некоторой группы лежит в основе явления символизации. Символизация здесь позволяет преодолевать частные межуровневые отношения вербального и визуального внутри комплекса и тем самым «раскрывать эстетическую достоверность мира» [2, с. 85]. Вместе с тем эстетическое содержание, имплицированное в художественном поликодовом единстве, – всегда достаточно привлекательно и желанно для зрителя, чтобы не подвергать сомнению установленную референцию вербального и визуального. Любой образ «хорошей жизни» или «хорошего общества» а priori включает в себя эстетический компонент [3, с. 52].

Эстетическое раскрывается во временном измерении. Эмоционально маркируя прошлое, настоящее и будущее и, таким образом, заключая в себе некоторый мотивационный мета-

текст, коннотированный положительно или отрицательно, – оно героизирует прошлое в пику настоящему, влечет к поступательному развитию в направлении «светлого будущего» и т.д. Будучи результатом конвенции одной общности, эстетическое содержит предпосылку для появления оппонирующей группы, которая оспорила бы установленные референции.

В трактовке В.В. Бычкова символизация через эстетическое являет собой многомерный процесс особого освоения человеком метафизической реальности. Вместе с тем успешность символизации прямо связывается автором с художественным качеством произведения и талантом мастера [2, с. 87]. Сложно полностью согласиться с данным суждением в силу культурной и исторической обусловленности представлений о художественной ценности искусства. Последовав аргументации В.В. Бычкова, мы будем сильно ограничены в подходах к изучению культурных контекстов прошлого, восприятие красоты в которых не корректно оценивать с собственных современных позиций. Методологическое преодоление внеконтекстуальной позиции исследователя процессов именования нуждается в подробной научной разработке.

Как художественный символ «возводит дух реципиента к духовной реальности, не содержащейся в самом произведении искусства» [2, с. 88], так единство вербального и визуального в сложном знаке-имени содержит информацию, не принадлежащую в отдельности ни вербальному, ни визуальному компоненту. Декодирующее восприятие реципиентом сложного поликодового знака, образованного в

контексте определенной культурной среды, обнаруживает больший объем информации, чем можно извлечь из слагаемых данного знака. Культурно-специфичный мета-текст и являет собой основную сложность для исследователя, находящегося вне контекста. Предметность, закодированная лингвовизуальным комплексом, раскрывается лишь в дешифровке сложного знака адресатом. Дешифрующее восприятие – не менее творческий процесс, чем процесс именования-означивания. По мнению У. Эко, «процесс дешифровки нескончаем, и мы склонны считать, что все, что мы видим в произведении, в нем действительно есть» [10, с. 308].

Каждый поименованный художественный образ, воспринятый адресатом как эстетический опыт, – вне зависимости от художественных достоинств и уникальности сюжета, деталей, техники и прочих особенностей – становится частью генерализованного представления адресата о фрагменте окружающей действительности и его вербальном описании. В единстве вербального и визуального, скрепленном более или менее выраженным эстетическим переживанием, ведущую роль в современных условиях приобретает визуальное. Описанное триединство и характеризует онтологически приобщение адресата к метафизической реальности. Первично роль символа проявляется с накоплением индивидом эстетического опыта: в избрании того визуального (или иного) образа, который окажется наиболее значим для него лично. Утвердившаяся в некотором дискурсе и понятная, благодаря коммуникативной эффективности, ассоциация вер-

бального и визуального преодолевает, наконец, индивидуальность и становится символом в интеракционистском понимании, описанном в начале статьи. Мерой символизации лингво-визуального комплекса определяются допустимая степень отклонения от прямого предметного соответствия и возможность пренебречь в именовании максимальным объемом чувственно воспринимаемых факторов. Номинация абстрактных, чувственно непостижимых явлений – изначально символична.

Эстетическое – как связующее звено между вербальным и визуальным в художественном образе-иконе, функционирующем в некотором дискурсе – находится в тонком балансе с идеологическим. Идеологическое пронизывает лингво-визуальное единство, но не стремится заслонить эстетическое, т.к. последнее обладает гораздо более сильным позитивным потенциалом, «отсылком» к лучшему, прекрасному, грядущему.

Эстетическое являет собой первичную конвенцию субъектов-участников всякого мультимедийного дискурса, объединяющего знаки вербальной и различных невербальных кодовых систем. Подобное согласие «полагать прекрасным» некоторые образы окружающей действительности, поименованные так, а не иначе, не может быть лишено конкретной мотивации модой, традицией, моралью, идеологией, корыстью и т.д. Помимо этого, эстетическое выполняет роль индивидуального и коллективного фильтра-ограничителя информационного потока.

Тесно связанное с лингвокультурным освоением окружающего мира, эстетическое неразрывно переплетается

как с ментальным зрительным образом поименованного, так и с вербальной формой, – в первичном акте языковой номинации и во всех последующих интерпретирующих употреблениях. Впрочем, следует отметить, что ментальный образ может опираться на любое чувственное восприятие – более сильное по воздействию на адресата (аудиальное, обонятельное, тактильное и т.д.).

В книге «Человек, цивилизация, общество» Питирим Сорокин выделил главные виды символизации: звуковая символизация (речь, восклицания, пение, музыка и т.д.); световая, цветовая символизация, почти постоянно соединяющаяся с пространственной символизацией (железнодорожная сигнализация, сигнализация военных судов, картины, буквы, надписи и т.д.); предметная символизация («кресты», «зеркала», «знамена», «гербы» и т.д.); двигательная символизация (мимика, жесты и т.д.) [7, с. 19–22]. Ученый указывал на тесную взаимосвязь символов и психических процессов человека. Он писал о том, что статуя Венеры Милосской является значимым символическим объектом мирового художественного искусства не потому, что мрамор принял определённую форму. Или картина Рафаэля становится художественной ценностью не только благодаря соединению холста и красок. Суть этих символических форм («социальных ценностей») заключается в том, что они объективируют собой субъективную психику: определенные чувства, мысли, переживания, настроения и т.д. человека. В этом смысле они выступают как «застывшая психика». Или, например, цветовая символизация существенно влияет на осознание

человеком социально-политической реальности. Практика произошедших в последние годы «цветных революций» обнаружила существенный потенциал использования цвета в политической символике, меняющий настроения масс от роста активности до утомления и абсентеизма [9, с. 7–8]. Цветовая символизация характеризуется большей межкультурной универсальностью, будучи изначально детерминированной зрительным восприятием окружающего мира.

П. Сорокин делал акцент на том, что сами по себе такие предметы, как скипетр, порфира, гербы, знамена, короны, петлицы и т.д. еще не являются атрибутами власти [7, с. 22]. Эти «предметные» символы объективируют определенные психические переживания (мысли, чувства человека), именуемые в абстракции государством. Примечательно, в частности, что символика отечественных органов безопасности от ВЧК до современной ФСБ геральдически сохранила аналогичный набор элементов, претерпевший лишь соответствующие политические коррективы: защищающий (острием вниз) меч, щит (характерной фигурной формы или стилизованный овальный), государственный символ (серп и молот, двуглавый орел). Периодически использовалась красная звезда как символ единства с Вооруженными Силами; а также щит и меч менялись местами в соответствии с приоритетностью защитного или карающего начала. На протяжении XX – начала XXI вв. данные символы вызывали в обществе не всегда однозначное эмоциональное восприятие (мотивированное социальным опытом). Вместе с тем, сложный знак, очевидно

сохранивший свою узнаваемость на фоне почти столетнего интенсивного политического развития, и сегодня – вне идеологических и эстетических коннотаций – является устойчиво декодируемым символом закрытости, неподкупности и мощи Системы вместе с неотвратимостью наказания виновных. Аналогично сохраняет не меньшую актуальность и узнаваемость семантически близкий вербальный символ – цитата Ф.Э. Дзержинского: «Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками» [4, с. 55].

Без понимания общественной и контекстной детерминированности символизации сложно корректно оценить значимость отдельных предметов (например, связи меча и щита), так как они теряют свою силу – социальную и политическую значимость – для членов конкретной социально-политической общности. Сорокин считал, что любое социальное явление должно быть рассмотрено с двух точек зрения: во-первых, с чисто психологической или внутренней; во-вторых – с символической или внешней.

Таким образом, в приведенных выше подходах четко прослеживается именно социальная детерминанта символа относительно социально-политических отношений и коммуникативных процессов в обществе. Так как возникновение, функционирование и развитие символического пространства страны имеет смысл лишь в системе общественных отношений, индивид живет в этой символической системе, которая интернализовалась им в процессе социализации, при этом она (символическая система индивида) окрашивается в его «любимый» цвет.

мые» тона, обнаруживая допустимую долю индивидуального в творческом декодировании символа без ущерба для единообразного понимания символа в рамках коллектива.

Специфика политологического подхода к исследованию феномена политической символики заключается, на наш взгляд, не только в анализе вопросов формирования и поддержания государственных политических институтов, регионального политического развития, проблем политической интеграции и внедрения новых информационных и коммуникационных технологий, создания прочной основы для реализации единой государственной идеологии. Но важно и то, что политическая наука стремится к анализу процесса интеграции отдельных политических феноменов (политических символов) в единую институциональную подсистему, тесно связывая ее с культурно-идеологическим компонентом политической системы в целом; к исследованию не только тенденций, но и возможных политических последствий дифференциации политического, социокультурного, экономического символического пространства.

Политическая теория придает вопросу становления символического пространства особое значение также и потому, что в центре формирующегося символического мира стоит социокультурное информационное ядро институциональной системы государства. Уже на начальных стадиях формирования российской государственности начало складываться символическое пространство, обусловленное во многом характером информационных государственных взаимодействий и взаимозависимо-

стей, включающее политические конфликты и противоречия, заложенные в качестве основы в реальных политических условиях.

Здесь необходимо остановиться на роли символа в процессе конструирования социально-политической реальности.

Во-первых, «генетическая» основа символа должна соответствовать конкретному политическому пространству. Убедительным примером соответствия символа политическому и культурному полю является присутствие данных символических форм в различных родах войск. Именно благодаря «стереотипному» характеру институциональных значений гарантируется их запоминаемость. Значительное внимание в ведомственной геральдике уделяется точности визуального представления и вербального описания символов.

Во-вторых, феноменологи определяют символ как предмет, обозначение которого соединяет различные сферы реальности, а символический язык – как способ, при помощи которого происходит перемещение из одной сферы реальности в другую [1; с. 69]. Язык как социальный феномен представляет собой наиболее важную систему человеческого общества. Именно при помощи лингвистических обозначений поддерживаются общие объективации повседневной жизни. В этом смысле понимание лингвистических обозначений (и в целом – языка) является существенным для понимания реальности повседневной жизни. Например, основные понятия, идеи и взгляды, которые культивировались в офицерской среде и сформулированы выдающимися военными деятелями

и мыслителями прошлого, которые касались вопросов чести, долга, товарищества и достоинства офицерского звания, – которые, в конечном счете, обнаруживали единство взглядов офицеров по ряду принципиально важных позиций, – все они составили современное символическое содержание понятия «русский офицер»:

«Родина – святое и важное понятие для человека, особенно офицера. Он готов отдать для ее благополучия, процветания и независимости все. Нет больше чести, «как положить душу за други своя...». «Закон для офицера свят и нерушим. А его исполнение – высочайший долг». «Войско, крепко спаянное дисциплиной, на войне представляет собой организованную массу, девиз которой: «Победить или умереть». «Не так важно уничтожить врага, как подорвать его уверенность в силах, заставить прекратить борьбу, подчинить своей воле». «Мы должны все время помнить, что окружены врагами... У России только два союзника – ее Армия и Флот».

«Офицером может быть только честный, добросовестный и достойный уважения человек. Лица, не отвечающие этим требованиям, должны быть удалены из офицерского корпуса». «Под товариществом понимается не попустительство, круговая порука и покровительство, а высокая требовательность друг к другу, основанная на доверии, порядочности, взаимной поддержке и выручке». «Старший по званию или по должности начальник – такой же офицер, лишь обладающий большими полномочиями и ответственностью». «Офицер стоит на страже общенациональных интересов, безопасности и покоя сограждан, неза-

висимо от того, к какому слою общества они относятся». «Офицер не имеет права участвовать в политической или классовой борьбе. Основная политическая линия офицера – безусловная поддержка законной власти» [5].

Не все из вышеизложенного применимо к символизму офицерской этики других государств. Равно, не все качества были на разных этапах российской истории относимы к отечественному офицерству. Известны периоды политической жизни, когда именно внутреннее осознание офицерской чести вступало в противоречие с представлениями о легитимности действующей или приходящей власти, что сподвигало людей в форме проявлять собственную политическую активность – неизменно трактуемую ими как мотивированную общенациональными интересами.

П. Бергер и Т. Лукман обращают внимание на то, что, несмотря на максимальную оторванность таких символических представлений от повседневного опыта, они оказывают большое влияние на организацию реальности повседневной жизни [1, с. 70]. Стабильность политических символов оказывает сильнейшее влияние на стереотипы общественного поведения конкретного общества. Резонно ожидать, что российский офицер, воспитанный на символах нестяжательства материальной выгоды за ратный труд и безоговорочного служения Родине, которой он единожды в жизни присягал, будет занимать несколько иную гражданскую позицию в части лояльности к законной власти, в вопросах политической активности, воинской и трудовой дисциплины, чем его коллега, воспитанный в другой со-

циально-политической и культурной формации.

Становление современного символического пространства страны в целом – это одновременно и сложный процесс, и состояние, выражающее качественные ступени, стадии развития страны. На основе анализа методологических подходов к исследованию многих отдельных сторон и проявлений данного феномена (к каковым, в частности, относится и офицерский этический дискурс) можно сделать вывод, что его суть состоит в длительном историческом процессе лингвокультурного и социально-политического преобразования отечественного информационного пространства в единое социально-экономическое, политико-правовое и культурно-информационное поле. Во многом благодаря функционированию символов становится возможным распространение политических идей, формирование и развитие государственных институтов управления.

Таким образом, несмотря на то, что символическое политическое пространство страны в значительной мере обусловлено экономическими и социокультурными силами, оно само активно формирует отчетливый политический контекст, стимулирующий государственную интеграцию, значимость и неприкосновенность национально-государственных границ, взвешенность и последовательность государственных интересов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Бычков В.В. Символизация в искусстве как эстетический принцип // Вопросы философии. – 2012. – № 3. – С. 81–90.
3. Грякалов А.А. Эстетическое и политическое в контексте постсовременности: топос НОМО AESTHETICUS // Вопросы философии. – 2013. – № 1. – С. 49–57.
4. Зубов Н.И. Феликс Эдмундович Дзержинский: краткая биография. – М., ОГИЗ Госполитиздат, 1941. – 96 с.
5. Каменев А.И. Наука побеждать. Часть 2. Как готовить войска к тому, что необходимо для успеха на войне [Электронный ресурс]. – М.: Новый диск, 2005. 1 электрон.-опт. диск (CD-ROM).
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. – Т. 46. – Ч. 1. – М.: Политиздат, 1968. – 317 с.
7. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
8. Социологический энциклопедический словарь / Ред. Г.В. Осипов. – М.: ИНФРА-М: Норма, 1998. – 481 с.
9. Федорченко С.Н. Технологии применения политической символики «цветных революций» в России // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» [Сайт]. – М.: МГОУ, 2013. – № 1. – URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/286>.
10. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Symposium, 2004. – 530 с.